

Юрий РЫДКИН

ПОЭЗИЯ РАВНОВЕСИЯ

Александр Уланов. В месте здесь. – М.: Новое литературное обозрение, 2020. – 288 с. – (Серия «Письма русского путешественника»).

Жить в постоянном исчезновении

А. Уланов. В месте здесь. С. 40

Книга Александра Уланова «В месте здесь» – это поле взаимодействия и взаимозависимости двух свобод – эссеистической и поэтической. И если первая отвечает за выбор рефлексивной материи, то вторая концентрирует её до состояния поэтического вещества. Непринуждённое изложение/движение таким образом переходит в обдумывание/торможение, чтобы продолжиться в другом направлении. Это (не)последовательная смена состояний сопряжена с неизбежными сдвигами и разрывами как в формально-содержательной структуре текста, так и в его синтаксической связности. В итоге повествующий субъект вытесняется процессами, запущенными им самим, низводится до подразумеваемого. Процессуальное повествование превращается в орнаментальное письмо, красота которого в едва видимой мелодии узора.

Первая часть книги называется «В()месте». Она представляет собой своего рода художественную экскурсию по ряду европейских городов, путешествие посредством поэтического текста, детальную и скрупулёзную регистрацию проявлений живой и неживой природы, достопримечательностей реальных и воображаемых. Места с разными культурными телами связаны между собой уникальной авторской оптикой. Одно и то же слово или вербальный конструкт, употребляемый в описании сразу нескольких городов, меняет свои содержательные и художественные свойства с каждой новой географией. Читая первую часть книги, ты словно видишь живописно выполненную операторскую работу. И если в качестве эксперимента сопоставить друг с другом отрывок из книги и кусок закадрового текста из фильма «В прошлом году в Мариенбаде»¹, то смысловой/стилевой переход от первого ко второму будет практически незаметен:

Дома из лоскутов. Стены, в темноте углублений несущие память подходивших к ним этажей и крыш. Память заложенных окон и надстроенных арок. Входы в исчезнувшие здания. Двери в никуда на высоте третьего этажа. Загорелые тела домов, лишившихся мраморных тог (С. 12).

В этой постройке века иного, в этой огромной, роскошной, барочной гостинице – мрачной, где нескончаемые коридоры сменяются коридорами – безмолвными, пустынными, перегруженными сумрачным холодным убранством: деревянные панели, гипс, лепнина, мрамор, чёрные зеркала, картины в чёрных тонах, колонны, резные обрамления дверей, анфилады дверей, галерей, поперечных коридоров, приводящих, в свой черёд, к пустынным гостиным, гостиным, перегруженным убранством века иного.

Если довести до конца сравнение книги с предложенным фильмом, то в кино субъект «путешествует», не выходя из замка, а в книге – не выходя из себя. И замок, и субъект книги являются хранилищем мирового культурного наследия, которое требует перечисления, повторения и упорядочивания. Но при этом сценарный шизизм Роб-Грийе

¹ Режиссер Ален Рене, сценарист Ален Роб-Грийе. 1961 год.

транслирует увядание, а не одушевлённость вещей/предметов/строений/достопримечательностей Уланова, наоборот, витальна за счёт поэтической парадоксальности умозаключений автора, не позволяющего монотонности перейти в сонность: *Держать в руках собственный сон* (С. 83).

Первая часть книги в основе своей написана лапидарными предложениями. Автор словно предлагает им ветвиться не в тексте, а в читательском воображении/мышлении/домысливании. Она требует для себя разных подходов, именно во множестве способов прочтения или, тоньше, восприятия эта часть книги не только обретает масштаб художественной сложности, но и, как ни странно, целостность или, радикальнее, себя. Вот лишь несколько интересных оптик, с которыми можно подходить к читательскому/критическому исследованию первой половины книги:

Идея бессмертия Вадима Руднева. Суть: если допустить, что время нашей реальности течёт в соответствии со Вторым законом термодинамики (согласно которому любые процессы ведут к необратимому увеличению энтропии/беспорядка/хаоса/антиинформативности/смерти), то время текста как информационно упорядоченного объекта течёт в сторону, противоположную вектору энтропийной реальности, движется вопреки разрушительной смерти².

Тексты Уланова являются ярким подтверждением этой идеи, поскольку они представляют собой художественное картографирование/упорядочивание географических и культурных феноменов и в этом смысле плодят бессмертие: *Время – на границе неподвижного порядка и беспорядка* (С. 12).

Одновременность. Это понятие притягивает к себе множество теорий – от научных до фантазмагорических. Впрочем, здесь нет противоречия. Учитывая географическую основу текстов (первой части книги) Уланова, для наглядного объяснения заявленного понятия лучше всего использовать следующую метафору. Представим себе карту (текст) той или иной местности, по которой ползёт муравей (герой, говорящий). Так вот для муравья пройденный им путь остаётся в прошлом, каждый шаг делается в настоящем, а горизонт ждёт в будущем. Но для наблюдателя (читателя), который сверху смотрит на всю карту целиком, прошлое, настоящее и будущее муравья существуют одновременно, а значит, без начала и конца, как бы всегда, без смерти. В этом смысле тексты Уланова заставляют читателя подняться над ними и объять их в памяти целиком как нарративные острова бессмертия.

Цепь отрицаний Михаила Эпштейна. Здесь речь идёт об утверждении посредством отрицания, о негационной легитимации оригинального существования, о вселенной как совокупности бесконечных отрицаний, каждое из которых как раз и подтверждает уникальность отрицаемого: белое отрицает чёрное, чёрное отрицает красное, красное отрицает жёлтое, etc³.

На примере текста «Возможно возможны (Венеция)» отчётливо видно, как работает эта теория и как череда инопологаний утверждает существование противоположного/другого/подразумеваемого:

Ни суша, ни море <...> ни улиц, ни каналов <...> для воды, не для воздуха <...> воды, не царя <...> стены не берега <...> стоящая ни на чем <...> быть не собой, не

² Руднев В. П. «Идея бессмертия в культуре заключается в том, чтобы постоянно глушить энтропию»: Вадим Руднев о моделях времени (интервью Фуркату Палванзаде). Т&Р, 2015. (<https://theoryandpractice.ru/posts/7481-rudnev>).

³ Эпштейн М. Н. Двойное небытие и мужество быть. К философии неустойчивого вакуума. Вопросы философии. 2013. № 4.

быть <...> Не площади, а поля <...> не столько для выхода дыма, сколько для вливания в дом неба <...> не воздух, а обман <...> не стеной, а валунами <...> ни колес, ни даже копыт (С. 15–19).

И поскольку поэтесса Уланова снимает разницу между объектами и субъектами, то к его текстам применимо и высказывание Мориса Бланшо: «Существо стремится не к признанию, а к оспариванию для того, чтобы существовать, оно обращается к другому существу, которое оспаривает и нередко отрицает его с тем, чтобы оно начинало существовать лишь в условиях этого отрицания»⁴.

Многовариантность. Это понятие тоже имеет массу интерпретаций как в научной среде, так и в смежных, поэтому будет правильным показать художественное воплощение этого понятия на примере отрывка из текста с красноречивым названием «Варианты (Гент)»:

Девушка, на которой только лента на лбу и ботинки, загорает на остатках деревянного причала. Другая спокойно летит рядом с космонавтом, и ей не только скафандра, вообще никакой одежды не нужно (С. 36).

Закольцованность. Вадим Руднев включает данное понятие в «мифологическую модель времени»⁵. Она довольно проста: условная стрела времени закручивается и замыкается в круг, а всё сущее, таким образом, воскресает после смерти и продолжает жить вновь.

Давайте сравним отрывок из Евангелия и отрывок из текста «Регенсбург», чтобы проследить, как они перекликаются в пределах заданной модели:

Истинно, истинно говорю вам: если пшеничное зерно, пав в землю, не умрёт, то останется одно; а если умрёт, то принесёт много плода»⁶.

Дерево, высохнув, стало лицами, руками, костями домов (С. 20).

Уланов открывает нам мир в его непрерывной стихийной гибридизации и художественной динамике, где камень – это медиум (С. 23), время – попутчик (С. 13), а текст о российских городах не скрывает избыточного напряжения (С. 92-93). Автор размышляет о вере, о свободе, об одиночестве, о печали, об искусстве и о многом другом, но нигде не позволяет собственному умозаключению затвердеть в категоричности.

Вторая книжная часть «Здесь» состоит из четырёх глав с говорящими названиями и представляет собой эпистолярный диалог двух влюблённых, современных Одиссея и Пенелопы, которые крайне редко встречаются вне компьютерной сети, поскольку профессиональная деятельность обоих связана с постоянными поездками в разные точки мира. Обоюдная занятость делами и собой лишает мужчину и женщину возможности видаться регулярно. Тем не менее они лелеют и защищают разделяющую их дистанцию как то, что сохраняет связь между ними, как то, что препятствует *стиранию друг о друга* (С. 190). Любовь пары к расстоянию (пространству-времени) и его способности говорить воображением – не меньше, чем друг к другу. Их диалог есть весы, где обе чаши не позволяют одна одной возвыситься или унизиться, поэтому между ними сохраняется равновесие более-менее спокойной, ясной и, как итог, стабильной коммуникации без

⁴ Бланшо М. Неопишемое сообщество / Пер. с фр. Ю. Стефанова. М.: МФФ, 1998.

⁵ Руднев В. П. Там же.

⁶ Евангелие от Иоанна, гл. 12, ст. 24.

«избыточных потенциалов». Виртуальное общение этих влюблённых есть вдумчивая и чувственная беседа их внутренних миров, в которых скорости и ставки не так высоки, как в суете мира внешнего. Чем больше влюблённые предоставляют друг другу «знаки своей занятости <...> образ тела в ситуации»⁷, тем сильнее они завораживают один другого. Их диалог напоминает причудливую карточную игру: если фраза бита, то это признак «сходства, согласия и близости»⁸. Эпистолярные тексты пары есть не что иное, как графическая фиксация всегда ускользающих и неуловимых моментов здесь-и-сейчас. Из-за внезапной болезни женщины влюблённые утрачивают дистанцию и обретают близость, которая увеличивает силу трения между ними, надрывая хранимую любовную связь. Картина предстаёт ещё более тяжёлой и сложной, если допустить (а это предположение здесь не исключено), что мужской субъект ведёт эпистолярный диалог с самим собой, буквально со своей второй половиной – вторым Я:

С кем быть – с тобой или с тобой? Вопрос нерешаемый. Потому что с тобой будет не хватать тебя, а с тобой – тебя. И если я буду с тобой, то печальнее будет тебе, а если с тобой – то тебе (С. 108).

В книге Александра Уланова «В месте здесь» поэзия возникает из способности автора удерживать текст в равновесии, только в таком состоянии все его элементы в полной мере проявляют себя во всей своей спокойной уникальности и художественности, когда каждый субъект/объект одинаково весом и значим для культурной картины мира, несмотря на множество и разнообразие его красок.

P.S. Чем глубже я погружался во вторую часть книги, в текстуальное вещество эпистолярного диалога, тем яснее понимал, как же сильно он похож на переписку Аркадия Драгомощенко и Маргариты Меклиной⁹, похож взаимоуважением, рассуждениями, трепетным отношением друг к другу, боязнью потерять связь...

⁷ Барт Р. Фрагменты речи влюблённого. М.: Ad Marginem, 2002.

⁸ Там же.

⁹ Драгомощенко А. Т., Меклина М. М. Год на право переписки. Эпистолярный роман. Lulu-Press, 2008. (<http://kolonna.mitin.com/books/drag&meklina/letters.shtml>)